

Глава 4

С тех пор как Хэ Шэн освоил нехитрую науку варёных овощей, Сунь Ланьшу — прежде готовившая для них обоих — попросту сложила с себя всякие обязательства. Отныне она стряпала лишь для себя. До появления Цзи Ляня мальчик не только решал вопрос собственного питания, но и готовил для прежнего хозяина тела.

Когда Цзи Лянь внёс Хэ Шэна на кухню на руках, взгляд его сразу зацепился за маленький столик: скорлупа от яйца, пустая бутылочка детского молока. Это и был весь завтрак Хэ Шэна. А ведь малыш как раз растёт, тянется вверх — разве на таком скудном пайке утонишься за потребностями молодого тела?

К счастью, Хэ Шэн успел отдёргнуть руку вовремя, и ожог оказался несерьёзным: после холодного компресса ладошка почти перестала краснеть.

Убедившись, что с мальчиком всё в порядке, Цзи Лянь усадил его на диван в гостиной — сиди, не балуйся — и отправился обыскивать виллу. Поиски заняли некоторое время: Сунь Ланьшу обнаружилась в зимнем саду.

Теплица пестрела редкими зимними цветами. Сунь Ланьшу любила возиться с растениями — этому занятию она отдавалась с куда большей заботой, чем уходу за Хэ Шэном.

Ещё не переступив порога, Цзи Лянь увидел всё через стеклянную стену.

На белом круглом столике стоял новенький красный радиоприёмник, из которого лилась бодрая старая песенка. Сунь Ланьшу была облачена в просторное ретро-платье насыщенного алого цвета; широкий силуэт скрадывал её дородную фигуру, а специально подкрашенные в чёрный волосы струились по плечам. Со спины ей нельзя было дать и сорока.

Приёмник не заглушал её тихое мурлыканье. Полив цветок, она отставила лейку, неспешно подняла с подноса изящную чашку и сделала маленький глоток — движение неторопливое, полное самодовольного удовольствия.

Дверь в теплицу оставалась открытой. Увлечённая пением, Сунь Ланьшу не услышала шагов за спиной.

Столик рядом с ней был заставлен тарелками и мисками. На плитке в прозрачном чайнике на медленном огне настаивался чай из лепестков розы. Бейгл с начинкой был набит так щедро, что содержимое едва не вываливалось через край светло-зелёного фарфорового блюда. Взгляд Цзи Ляня скользнул по чаше красного ласточкиного гнезда — прежде чем Сунь Ланьшу успела к ней потянуться, он шагнул вперёд и взял её сам.

Рука женщины поймала воздух. Почуввав краем глаза чей-то силуэт, она вскинулась — и тут же с

облегчением выдохнула, узнав Цзи Ляня.

— Ну ты и напугал, — проворчала она, прижав ладонь к груди. — Войти по-человечески нельзя?

Цзи Лянь не удостоил её взглядом. С самого порога глаза его были прикованы к еде.

Желудок отозвался голодным сигналом — но вместо голода в нём поднималось нечто другое. Впервые в жизни вид этих яств не вызывал у него ни капли желания. Только гнев.

Дорогие деликатесы на этом столе появились здесь не по воле Хэ Минчэня. Ради того чтобы Сунь Ланьшу исправно выполняла нужные поручения, старший брат Хэ Минчэня ежемесячно снабжал её щедрым содержанием — деньгами, ценными продуктами, одеждой и украшениями. Он прекрасно знал, чем её задобрить, и не скупился. Именно поэтому Сунь Ланьшу и была предана старшему брату, а не самому Хэ Минчэню.

Хэ Минчэнь, погружённый в дела, откупался от сына щедрыми материальными подарками. Но всё, что предназначалось Хэ Шэну, неизменно оседало в желудке Сунь Ланьшу — и в этом была горькая ирония. До того как ей поручили мальчика, она была куда стройнее; за несколько лет «ухода» за ребёнком её вес неуклонно полз вверх. На людях она объясняла это переутомлением. Правда же была попросту смешной.

— Что, нравится? — Сунь Ланьшу убрала прядь со щеки и произнесла тоном подачи: — Бери, ешь. Мало будет — ступай на кухню, я с утра целый горшок томила.

Она не успела договорить. Цзи Лянь без лишних церемоний опрокинул чашу и одним глотком выпил всё содержимое.

Сунь Ланьшу уставилась на него с изумлением человека, ставшего свидетелем святотатства.

Это же нужно смаковать, тянуть маленькими глоточками — только тогда раскроется весь вкус! А этот — как Чжу Бацзе с плодом женшенья: проглотил, не распробовал.

Невежество, да и только.

«Двадцать два года в богатом доме, а всё равно — нутро не перевоспитать», — подумала она с презрением. Горная курица, попавшая в гнездо феникса, курицей и остаётся.

Впрочем, кое-что в нём она всё же оценила: готовил он умело. Красное ласточкино гнездо было заправлено кокосовым молоком и мёдом — нежный молочный привкус с лёгкой сладостью превращал само по себе безвкусное блюдо во что-то стоящее.

Цзи Лянь облизнул губы и, не отрывая взгляда от бейгла, спросил с притворным простодушием:

— Этот завтрак — для меня или для Хэ Шэна?

— А что, Хэ Шэн тебе ничего не приготовил? — парировала Сунь Ланьшу.

— Хэ Шэну три года. Как ему готовить?

— Подумаешь, три года, — фыркнула она. — Он и подметать умеет, и стол протирает. Что мешает завтрак собрать? Детей нужно приучать с малых лет. Будешь потакать — вырастет лентяем.

Лицо Цзи Ляня оставалось непроницаемым, голос — холодным:

— Хэ Шэн — твой наниматель. Разве не твоя обязанность — заботиться о нём?

— Мне платит Хэ Минчэнь, не Хэ Шэн, — отрезала Сунь Ланьшу, смерив его взглядом, в котором всё явственнее читалось пренебрежение. — Мои обязанности — перед его отцом. Вернётся господин Хэ — вот тогда и стану работать как положено.

В голове у неё крутилось своё. Это что же, негативные отзывы в интернете так на него подействовали? За один день — и такая перемена?

Вдруг бросился задабривать Хэ Шэна. Не понимает разве — какой в этом смысл? Стоит ей показать Хэ Минчэню доказательства, и Цзи Лянь вылетит отсюда пробкой. Кого ему сейчас нужно задабривать — так это её. А он с мальчишкой носится.

Безнадёжный дурак.

Не зря, когда вся эта история с настоящим и подменным сыном всплыла наружу, семья Цзи мгновенно от него отреклась. Столько лет прожил под одной крышей — а заступиться оказалось некому. Даже собака, которую столько лет кормишь, и та привяжется.

Сунь Ланьшу снова потянулась к тарелке — и снова поймала воздух: бейгл исчез прежде, чем она успела его коснуться.

— Что это значит?! — вскинулась она.

— Ты же сама сказала: бери, ешь, — ответил Цзи Лянь с видом человека, которому всё совершенно очевидно.

Сунь Ланьшу потеряла дар речи.

Она это сказала? В таком смысле?

Она просто вежливость соблюла, а он — буквально?

И потом — она говорила про ласточкино гнездо. Когда она разрешала брать бейгл?

Она приготовила одну порцию. Одну. Что ей теперь есть?

— Я имела в виду ласточкино гнездо... — начала было она.

Но договорить не успела. Цзи Лянь, не оглядываясь, уже уходил — тарелка в руках.

—...

— Цзи Лянь!

Сколько бы она ни кричала ему вслед — он не реагировал. Годы в тихом омуте большой семьи научили его отфильтровывать ненужные голоса. Цель была достигнута — Сунь Ланьшу взбешена. Стоять здесь дольше было незачем.

Он шёл по дорожке, выложенной речной галькой, миновал ровно подстриженную изгородь из самшита — и уже у выхода из теплицы увидел спину Хэ Шэна. Малыш, почуяв неладное, припустил со всех ног на своих коротеньких ножках — но куда ему угнаться за взрослым.

Цзи Лянь намеренно сбавил шаг и не стал окликать его: подождёт, пока малыш юркнет в дом, и войдёт следом, делая вид, что ничего не заметил.

Но тут судьба решила иначе. Хэ Шэн в спешке не разглядел камешка, скрытого в траве, — и споткнулся. Белая пуховая куртка превратила его в кругленький шарик, который прокатился по газону и затих — вылитый кунжутный танъюань, упавший на зелёную скатерть.

Цзи Лянь кинулся к нему, опустился рядом и поднял — тот сжался в комок, спрятав лицо в ладошках, будто если не смотреть, то и не случится ничего.

«Откуда здесь Сяо-ба?»

«Он же меня увидел!»

Первая мысль Хэ Шэна была не о боли — а о том, что его поймали. Прикрывая лицо руками в последней попытке спастись — не то от взгляда Цзи Ляня, не то от собственного конфуза — он пробормотал, запинаясь:

— Я-я не слушался... Прости...

Щёки у него пылали от мороза — значит, увязался следом почти с самого начала.

Другой ребёнок в такой позе был бы виден как на ладони, но Хэ Шэн рос медленнее сверстников, а голову держал низко — и Цзи Лянь никак не мог разглядеть его лицо.

Он не торопился прикоснуться к напуганному малышу. Окинул взглядом — не ушибся ли: пуховик толстый, газон мягкий, скорее всего обошлось. Но тревога никуда не делась.

Цзи Лянь наклонил голову набок — как в игре в прятки — и попытался поймать взгляд снизу вверх.

Встретившись с ясными глазами Цзи Ляня, Хэ Шэн вздрогнул.

— Я уж думал — снова заплачешь, — мягко сказал Цзи Лянь, и в голосе скользнула лёгкая насмешка. — Придётся звать тебя Маленьким Плаксой.

Хэ Шэн шмыгнул носом. Голос всё равно дрожал, выдавая правду:

— Я не плакса.

— Больно упал?

Мальчик помотал головой:

— Не больно.

Надо же было доказать. Подумаешь, упал — совсем не больно!

Но едва слова слетели с губ, он пожалел о них.

Если бы он сказал «больно» — Сяо-ба бы его пожалел, как раньше?

Больно и правда не было. Просто обидно. Хотелось, чтобы кто-то пожалел.

— Правда? — уточнил Цзи Лянь.

Хэ Шэн поколебался и всё же ответил:

— Не больно.

«Хороший мальчик может солгать один раз в день — и это уже исчерпано. Не больно, не больно!»

Цзи Лянь потянулся к нему — медленно, убедившись, что малыш не отшатнётся, — и слегка ущипнул за пухлую щёку:

— Ну и молодец. Крепкий у нас малыш.

Щёки Хэ Шэна вспыхнули жаром. Пальцы сами собой начали теревить край куртки.

«Сяо-ба снова назвал его малышом!»

«Сегодняшний Сяо-ба такой... такой тёплый!»

«Ему... ему это нравится.»

Долго держать голову боком было неудобно — но Цзи Лянь не двигался, и в его позе не было ни капли нетерпения. Он тщательно взвешивал каждое слово и каждую интонацию, боясь спугнуть этого хрупкого маленького человека:

— Ты выбежал за мной, потому что волновался?

Хэ Шэн кивнул.

И тут Цзи Лянь улыбнулся — по-настоящему. Красивые глаза сложились в два тонких полумесяца, и в уголках губ проступили ямочки, которые он обычно тщательно прятал.

Хэ Шэн смотрел, как замороженный.

Он и раньше видел улыбку Цзи Ляня — но только сейчас понял: улыбающийся Цзи Лянь красивее не улыбающегося.

— Спасибо, что беспокоился обо мне, — сказал Цзи Лянь — просто и искренне.

Этот мягкосердечный малыш — такой же, как хомяк Дяньдянь — принёс ему что-то неожиданное и тёплое. Кроме Дяньдяня, о нём никто никогда не беспокоился.

Вчера он ещё чувствовал, что Хэ Шэн его боится — боится прежнего хозяина тела. И всё же мальчик пришёл. Пришёл, не держа обиды, — просто потому что тревожился.

Точнее — боялся он прежнего, а тревожился о Цзи Ляне. И это согревало.

Цзи Лянь протянул бейгл прямо к губам мальчика:

— Ешь.

— Я уже поел, — отказался Хэ Шэн. — Ты ешь.

Из-за него Цзи Лянь остался без завтрака. Он стоял под дверью теплицы и слышал весь разговор — как Цзи Лянь за него заступился, как забрал еду. Это был завтрак, добытый ради него. Правильно было бы побережь его для Цзи Ляня.

Тот оторвал себе треть, остаток протянул мальчику:

— Вот это твоё. Всё съешь.

— А? — растерялся Хэ Шэн. Куда ему столько? Разве не он должен был получить самый маленький кусочек?

Не дождавшись ответа, Цзи Лянь просто взял и засунул бейгл ему в рот — и пока Хэ Шэн изумлённо жевал с раздутыми щеками, приговаривал:

— Ешь как следует. Ты ещё растёшь — тебе нужно хорошо питаться.

Хэ Шэн с набитым ртом:

—...

<http://bllate.org/book/18977/2162719>